

Появление на газетной полосе имени Максим при фамилии Райкин, несомненно, многим покажется неожиданным и странным. Откуда! Однофамилец, что ли! Или родственник! Да, родственник. И самый ближайший: родной брат великого артиста. Многие годы был с ним в одной труппе знаменитого Театра миниатюр, играл в одних спектаклях, только под фамилией Максимов. А потом Максим Исаакович Максимов и его коллега по сцене, Владимир Наумович Ляховицкий, составили комедийный дуэт, выступали на эстраде и принесли много веселых минут любителям этого жанра. Выйдя на пенсию, Райкин (он же Максимов) занялся литературным трудом. Уже издан сборник его детских рассказов. Публикуемые ниже новеллы «Большая галоша» и «Резолюция» — фрагменты из готовящейся автором книги воспоминаний об Аркадии Исааковиче Райкине.

Максим Райкин

Из жития РАЙКИНА и К°

БОЛЬШАЯ ГАЛОША

В Ленинграде жил наш двоюродный брат, журналист Семен Максимович Райкин. Одно время он работал в многотиражке на заводе «Красный треугольник», выпускавшем резиновую обувь и галоши. Эта деятельность его мало устраивала, и когда он узнал, что в газете «Смена» появилось вакантное место, он подселел, как говорят в народе, и вскоре был принят в редакцию, хотя на эту же должность претендовал еще один журналист по фамилии Гельман, ставший потом знаменитым писателем.

И вот в первые дни пребывания в новой роли вызывает к себе нашего брата, Семена Максимовича, главный редактор и говорит:

— Мы знаем вас как хорошего журналиста, читали многие ваши публикации, поэтому вы должны выдать какой-ни-

будь сенсационный материал.

— Какой?

— Какой? Это уже зависит от вас, но он должен быть интересным для нашего молодого читателя. Может быть, у вас в записной книжке что-нибудь есть эдакое?

— Нет, эдакого у меня нет.

— А жаль. Вы должны войти в наш коллектив, подтвердив свою отличную репутацию, и создать что-то очень замечательное. А что, если вы напишете об Аркадии Исааковиче?

— Можно было бы сделать интересный материал, но удобно ли? Не хвалить его нельзя и воздавать должное своему родственнику, по-моему, не очень этично. Могут возникнуть ненужные разговоры.

— Пожалуй, вы правы, но интервью взять, надеюсь, вы сможете?

— Это, конечно, без проблем, но...

— Никаких но,—сказал главный редактор, и они разошлись. На следующий день Семен пришел к Аркадию Исааковичу и рассказал ситуацию, в которую его поставила редакция.

— Писать обо мне статью и брать интервью тебе не надо,—сказал Райкин.—Я сам все сделаю,—и позвал свою жену. Она сидела в соседней комнате и слышала весь этот разговор. Надо вам сказать, что Руфь Марковна Рома была замечательная женщина. О ней тоже можно было бы написать книгу. Мало того, что прекрасная актриса нашего театра, всегда принимала активное участие в работе с авторами, которые постоянно бывали в их доме, она была и прирожденным литератором. Многие статьи, подписанные Райкиным, созданы в соавторстве с его талантливой женой.

Статью для газеты «Смена» написала тоже она. Когда Семен принес готовую работу в редакцию, весь коллектив пришел в восторг от того, с каким блеском написаны несколько страниц машинописного текста, и статью тут же поставили в очередной номер газеты. И вдруг после того, как ее уже опубликовали, Семена вызывает к себе в кабинет разгневанный главный редактор.

— Что вы там в статье написали? — спрашивает он. — Покажите мне ваш текст!

— А что такое, в чем дело? — поблел от неожиданности Семен Максимович.

— Откуда взялась фраза «...но покойный министр финансов Зверев никак не отреагировал...». Почему — покойный? Кто вам сказал, что он умер?

В статье, написанной Ромой, говорилось о будущей программе, о том, какие темы будет затрагивать новый спектакль, какие проблемы волнуют театр, рассказывалось о встрече Аркадия Исааковича с министром финансов Зверевым, которому он говорил, что каждое учреждение в конце года оставшиеся деньги тратит на всякую ерунду только для того, чтобы на будущий год им не срезали фонды. Однако министр нужным образом не отреагировал на этот разговор, поэтому в новой программе театр будет играть миниатюру Полякова «Нужные вещи». В статье действительно было написано «...покойный министр финансов Зверев».

И самое главное то, что этот ляпсус обнаружил не кто иной, как сам В. Толстиков, который, вернувшись из Москвы, просматривал свежие газеты.

— Я вчера лично видел Зверева, разговаривал с ним,—сказал разгневанный секретарь обкома. И началась «техника». Из обкома позвонили в управление культуры в газету. И главный редактор газеты «Смена», получив хороший нагоняй от вышестоящих товарищей, вызвав Семена Максимовича на ковер, выдал ему такую порцию гнева, которой хватило бы целой редакции. Шутка ли сказать, была допущена такая ошибка, из-за которой можно было по тому времени с треском вылететь с работы не только Семену, но и самому главному редактору.

— Немедленно найдите Аркадия Исааковича и узнайте, почему он так написал.

Однако найти виновника было не так-то просто, потому что театр в это время уехал на гастроли в Кишинев. С трудом связавшись по телефону с

этим городом, Семен умолил телефонистку разыскать Райкина, и когда она предоставила ему разговор, он рассказал Аркадию Исааковичу об этой неприятности.

— Но ты сам виноват, надо было все проверить. Я думаю, что было сообщение о смерти Зверева, но не министра финансов, а детского писателя, вот Рома и написала — покойный.

— Что же мне делать?

— Ничего, главное — не волнуйся, не впадай в панику, поверь мне, в самое ближайшее время все устроится.

Через пару дней в редак-

Однажды, когда мы были на гастролях в городе Риге, я встретил там свою двоюродную сестру, которую никогда раньше не видел. Она пригласила меня домой, угостила вкусным обедом, а потом сказала:

— Я так рада нашей встрече, ты даже себе не представляешь! Может быть, тебе что-нибудь нужно? Мне хочется сделать для тебя что-нибудь приятное.

— Да нет,—говорю,—мне ничего не надо.

— Учи, у меня большие связи в разных областях. Хочешь, я тебе достану двухкамерный холодильник?

— Зачем?

— А недорогую мебель?

— Я не собираюсь дома ничего менять.

— Ну, может быть, старинную люстру?

— На кой она мне нужна?

— Ну рада,—сказала сестра,—очень рада. Когда ты уезжаешь домой?

— Завтра вечером, на маши-

цию газеты пришла телеграмма такого содержания: «Хорошая «Смена» газета. Желаю ей долгие лета. Привет с того света. Зверев».

Телеграмму показали Толстикову, он засмеялся, и конфликт был исчерпан.

Кто послал ее — сам Зверев или Аркадий Исаакович, — остается загадкой, хотя я думаю, что это сделал Райкин.

А Семену сотрудники газеты «Смена» преподнесли в подарок огромную галошу, специально сделанную для него на заводе «Красный треугольник». Галоша хранится у нашего родственника по сей день.

РЕЗОЛЮЦИЯ

— Тогда вот что. Когда приедешь, позвони мне по телефону, а то я буду волноваться, как ты доехал.

— К сожалению, сделать это не смогу. Телефона у меня пока нет.

— Не может этого быть!

— Честно тебе говорю. Пять лет обещают — и все без толку.

— Все,—обрадовалась сестра,—считай, что с этим делом у тебя полный порядок.—Она подошла к телефону и, набрав по коду московский номер, закричала в телефонную трубку:

— Аллочка! Говорит Наташа из Риги. У меня к тебе большая просьба. Я встретила своего двоюродного брата, москвича, которого не видела двадцать лет. Он завтра уезжает домой. Помоги ему, пожалуйста, с установкой телефона. Очень тебя прошу. Когда он должен к тебе зайти? В пятницу утром? Прекрасно, заранее благодарна! — и она повесила трубку.

Сестра дала мне все координаты Аллы Михайловны, и я уехал.

Через пять дней мы встретились.

— Ваша фамилия Райкин? — спросила меня очаровательная женщина.

— Да.

— А Аркадий Исаакович случайно не ваш ли родственник?

— Вроде...

— Ну конечно! Садитесь, пожалуйста. Вы знаете, я так люблю вашего брата, ведь он ваш брат, не так ли?

— Я немного смутился, не зная, что ответить, а Алла Михайловна продолжала:

— И так уважаю вашу сестру, что дело моей чести сделать вам телефон. Так что идите и не волнуйтесь. Через месяц у вас все будет в порядке.

Через три месяца жена мне сказала:

— Пошел бы, между прочим, узнал, почему с телефонной станции нет ни слуху, ни духу.

Я пошел. Алла Михайловна, увидев меня, несколько удивилась.

— Как,—сказала она! — у вас до сих пор нет...

— Нет,—ответил я.

— Странно, вроде все было оговорено, нужные люди дали свое согласие. Не понимаю, что же могло произойти... Но вы не волнуйтесь. Я так люблю вашего брата и так уважаю вашу сестру, что дело моей чести поставить вам телефон. Через два месяца жду вашего звонка.

Через полгода я снова явился к своей покровительнице.

— Не может этого быть! — сказала она, увидев меня в дверях.—Вам до сих пор не поставили телефон?

— Да, то есть нет.

— Ну знаете ли,—сказала Алла Михайловна.—Я была на приеме у самого товарища Петушкова, и он при мне на вашей учетной карточке написал резолюцию. Почему она до сих пор не выполнена? Не понимаю,—сказала она и пожала плечами.—Давайте сделаем

так: идите на свой телефонный узел и потребуйте ваши документы. Вы сами убедитесь, что все сделано как надо. Поверьте, я так люблю вашего брата и так уважаю вашу сестру, что дело моей чести поставить вам телефон.

Через два часа я был на своем телефонном узле.

— Когда вы мне поставите аппарат? — спросил я довольно строго у девушки, сидящей за перегородкой.

— А в чем, собственно, дело?

— Дело в том, что сам товарищ Петушков лично написал резолюцию по поводу установки, но прошло уже много времени, а телефона у меня до сих пор нет.

— Ваш адрес?

Я назвал улицу и дом.

— Не волнуйтесь,—сказала девушка.—Через три месяца будет телефонизирован весь ваш район. Так что сидите спокойно и ждите.

— Вы сказали через три месяца, а товарищ Петушков сам лично поставил резолюцию. Если вы не верите, возьмите мою учетную карточку и посмотрите, что там написано.

— Зачем она вам нужна? Я же вам сказала, что весь район будет телефонизирован!

— Когда?

— Если вы плохо слышите, повторяю: через три месяца!

— А я вам повторю, что у меня резолюция. Понимаете, резолюция! Очень вас прошу, посмотрите, что там написано.

Девушка достала мою учетную карточку, на которой черным по белому было написано: «Отказать!».

Через три месяца всем в нашем доме установили телефоны, а меня поставили на очередь. Говорят, что в будущей пятилетке построят новую телефонную станцию, так что теперь я первый на очереди. Но если у кого-нибудь из вас есть хоть какие-нибудь связи на телефонной станции, помогите, очень прошу вас, потому что блат в наше время, как ни говорите, все-таки великая вещь!